ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ 18

ВТОРОЙ СЕЗОН

СУГРАЛИНОВ Д.
ФОНД А.

18+

Двадцать два несчастья

Данияр Сугралинов

Двадцать два несчастья. Книга 18

«Автор»
«Автор»
2026

Сугралинов Д.

Двадцать два несчастья. Книга 18 / Д. Сугралинов — «Автор», «Автор», 2026 — (Двадцать два несчастья)

Переиначивая одного небезызвестного классика, все происходящее бодро укладывалось в одну строфу: было это, али нет, погасив на кухне свет, наш Серега резво смылся после дождичка в четвергА чтобы решить столь простую математическую задачку, как разрулить двадцать два несчастья, нужно либо сдаться на милость судьбы, либо устроить такой переполох, чтобы она сама пожалела, что связалась с Серегой.

© Сугралинов Д., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 19
*** 22
*** 26
Глава 4 30
*** 33
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Фонд А., Данияр Сугралинов
Двадцать два несчастья. Книга 18

Глава 1

В среду одиннадцатого марта две тысячи двадцать шестого года у ворот моркинского санатория «Лесная сказка» меня дожидался Филатов. Он стоял возле прогретой машины и терпеливо смотрел, как я иду к нему по аллее. Почему-то я отчетливо запомнил эту дату и тяжко вздохнул.

Никогда бы даже не подумал, что придется всерьез решать, как сбежать от собственного водителя. Причем, что особенно примечательно, водитель этот был отнюдь не мой, а приставленный ко мне фондом. И, судя по всему, товарищ Филатов к своим обязанностям решил подойти со всей ответственностью, как говорится, с огоньком.

В прошлой жизни меня убили, в этой — приставили надзирателя. Прогресс, однако. Интересно, что будет в следующей?

С этой мыслью я сел в машину, и Филатов, врубив навигатор, повез нас в больницу. Но не успели мы выехать за ворота, как позвонил Елисей.

— Серега! — закричал он так громко и радостно, что я отодвинул телефон подальше от уха. — Слушай, ты сегодня сможешь заскочить к нам в дом престарелых?

— А что случилось? — спросил я.

— Да не, ниче такого. Просто я тут перебирал карточки, ну, которые ты просил, и хочу показать, что получилось. И еще такая вот фигня, короче. Такое впечатление, что в нашу базу с карточками кто-то пытался влезть. Словно хакерский взлом был. Но ничего сделать с нашими кондовыми компьютерами они не смогли и, что характерно, ничего не испортили. Но ты все равно должен посмотреть на это…

— Посмотрю, — сказал я. — Я сейчас в райбольницу к Лиде, а от нее сразу к тебе. Жди.

Лиду я нашел в маленьком кабинете рядом с регистратурой. На столе, на подоконнике и на двух стульях лежали стопки больничных карт, перетянутые резинками, а на каждой стопке сверху был приклеен листок с фамилией, написанной ее крупным круглым почерком.

— Сергей Николаевич! — обрадовалась она, поднимаясь мне навстречу. — Вот, все двадцать. Еле нашла. Половина в архиве была, в подвале, а там лампочка не горит, я с фонариком лазила.

На рукаве ее халата и правда темнела пыльная полоса.

— Лида, вы когда это все успели?

— Да вчера после смены осталась. Муж звонит, говорит, ты где, а я в подвале со старичками нашими. — Она засмеялась. — Он решил, что я в морге. Ну ничего, переживет. Я тут еще кое-что заметила, пока раскладывала. Посмотрите, Сергей Николаевич.

Она взяла верхнюю стопку и, найдя закладку, раскрыла карту.

— Вот, у одной бабушки в феврале кардиолог из Йошкар-Олы статин назначил. Она к нему по направлению ездила. А в листе из пансионата статина нет. И вот еще, у одного дедушки в январе пневмония была, он у нас десять дней лежал. А первый анализ по вашей программе у него взяли через неделю после выписки. Это же, наверное, тоже важно?

Взяв карту, я прочел запись кардиолога. Конечно важно! Статин снижает тот самый белок воспаления, по которому мы судили об улучшении, а пневмония его, наоборот, задирает. Получалось, что у бабушки анализ мог улучшиться от таблетки, а у дедушки первый анализ пришелся на остатки болезни.

— Лида, вы молодец, — от души сказал я.

— Да ладно вам, Сергей Николаевич, — смущенно отмахнулась Лида, поправляя резинку на стопке. — Вы лучше скажите, что дальше делать.

— Дальше вот что. По картам видно, что старикам назначали врачи. А что они пьют на самом деле, мы увидим только в пансионате, у них в тумбочках. Собирайте карты, поедете со мной. Кстати, как там наша Зинаида Петровна?

— Получше. Анализ крови ей повторили, и обмен железа уже готов. Пойдемте, сами посмотрите.

Зинаида Петровна сидела на кровати, свесив ноги, и читала, кажется, ту же самую газету. Выглядела она чуть лучше, чем вчера, но руки по-прежнему подрагивали.

— А Лидочка у меня таблетки забрала, — наябедничала Зинаида Петровна. — Все до одной. Говорит, здесь вам дадут, что надо.

— И правильно сделала, — сказал я, садясь на стул у кровати. — Как спали?

— Да как в больнице спят, Сергей Николаевич. Соседка храпит, как трактор. А голова уже меньше кружится, вот.

Лида протянула мне бланки утреннего анализа крови и обмена железа. Ферритин и железо оказались низкими, значит, все-таки железодефицит. Кал на скрытую кровь сдали, результат обещали завтра, а гастроскопию дежурный врач поставил на пятницу.

Осмотрев Зинаиду Петровну, я включил диагностику и отдельно запросил химико-токсикологический анализ.

Диагностика завершена.
Объект: Зинаида Петровна, 78 лет.
Основные показатели: температура 36,5 °С, ЧСС 90, АД 112/68, ЧДД 18.
Обнаружены аномалии:
— Анемия: гемоглобин 93 г/л.
— Ортостатическая гипотензия.
— Остеоартроз коленных суставов.
— Признаков продолжающегося кровотечения не выявлено.
Токсикологический анализ завершен.
Обнаружено вещество:
— «Мелоксикам» (концентрация ниже терапевтической).

Остаток последних таблеток, не больше. В листе назначений мелоксикама тоже не значилось. А теряла ли она кровь раньше и виноват ли в этом мелоксикам, покажет гастроскопия. Потом я открыл «Сопоставление случаев» и внес новый анализ.

Сопоставление случаев. Повторное личное наблюдение сохранено.
Гемоглобин ниже нормы. Изменение за сутки в пределах погрешности анализа.
Для сопоставления требуется третье личное наблюдение.

— Зинаида Петровна, а бывает, что колено у вас болит каждый день? — спросил я.

— Бывает, — подумав, сказала она. — Перед метелью особенно. Вот в феврале как метели пошли, так оно у меня и разнылось.

— И вы тогда пили таблетки каждый день?

— Да когда как. Когда по одной, когда по две, если совсем невмоготу.

— А сколько дней подряд по две?

Зинаида Петровна развела руками.

— Ой, Сергей Николаевич, кто ж это считает-то.

Так я и записал в карту.

— А я ведь вам всю науку испорчу, да? — спросила Зинаида Петровна, пока я писал.

— Наоборот, Зинаида Петровна. Если бы не ваш пакет с таблетками, я бы не догадался заглянуть в тумбочки к остальным.

Зинаида Петровна польщенно заулыбалась…

В пансионат мы поехали втроем, Лида на заднем сиденье с двумя пакетами карт на коленях. Филатов высадил нас у крыльца и остался в машине. Мои больнично-исследовательские дела, казалось, его интересовали постольку-поскольку, главное, чтобы я не сбежал. И это напрягло еще больше, учитывая мои планы слинять из-под надзора фонда как можно дальше.

В кабинете руководителя нас встретил, как всегда, лучезарно-лопоухий Елисей Ротонос, и мое настроение чуток поднялось. Стол его был густо завален медицинскими картами, на компьютере светились какие-то таблички и гусеницы диаграмм.

— Слушай, Серега, — зачастил Елисей. — Ты гля на вот эти показатели, как оно скачет, собака! И еще обрати внимание…

— Подожди, подожди, Елисей, — перебил его я. — Сначала про взлом. Что именно ты увидел?

— Да вот. — Он развернул ко мне монитор. — Журнал входов. Три ночи подряд кто-то подбирал пароль к нашей базе с карточками. Что интересно, айпишник не скрыт, и адрес чужой, не из района. Так и не вошел.

— Точно не вошел?

— Точно. В журнале одни отказы, ни одного удачного входа. Я потом на всякий случай еще и карточки с бумажными сверил, все записи на месте.

Слухи о продаже санатория, проверка в пятницу, а теперь еще и это. Похоже, фонд решил заглянуть в анализы наших стариков раньше, чем я принесу их совету.

— Распечатай этот журнал и сделай копию базы на флешку, — попросил я. — А флешку отдай Лиде, пусть лежит у нее в больнице.

— Думаешь, еще полезут? — нахмурился Елисей.

— Полезут. Поэтому пусть копия лежит там, где ее искать не станут.

Лида понятливо кивнула и принялась раскладывать свои стопки на подоконнике.

— И еще одно, пока не забыл в такой суете, — сказал я. — Я в воскресенье говорил про тебя с Петровым-Чхве.

Елисей удивился и обрадовался одновременно:

— А что про меня?

— А то, что руководителя у тебя теперь нет, и не по твоей вине.

— Уже в курсе… — помрачнел Елисей. — Мария Сергеевна написала вчера, как раз думал с тобой обсудить, что мне делать.

— Вот что. Я к Петрову-Чхве заявление написал, а заодно попросил и за тебя. Он сказал, что готов на тебя посмотреть.

— Блин, я уже как тот аспирант-кочевник, — невесело пошутил Елисей и ошарашенно почесал затылок. — Коня только завести осталось и юрту. Иван Чиминович же старый, я уже заранее боюсь, что мой переход к нему добром не закончится. Все те, к кому я попадаю, заканчивают не очень хорошо. Лысоткин умер, Мария Сергеевна уезжает, остался Петров-Чхве. Интересно, сколько мне надо пройти научных руководителей, чтобы в институте пришлось набирать новый штат?

— Елисей, это все совпадение, — усмехнулся я. — Все будет нормально. В общем, тебе надо связаться с ним лично.

На лицо Елисея набежала тень:

— Серег, это что, получается, мне в Москву ехать надо?

— Для начала позвонить. А потом, скорее всего, придется и съездить показаться.

— Слушай, ну я ведь сейчас не могу, — закручинился он, и его оттопыренные уши приобрели нежно-розовый цвет.

— Почему это? — удивился я.

— Ну так Венера же у меня. Срок маленький совсем, а она после зимы еще толком не оправилась. Ты ведь сам понимаешь, ну вот как я могу ее здесь, в этой деревне, одну оставить? А вдруг, не дай бог, что-то? Тьфу-тьфу-тьфу. — Он пугливо постучал по столу костяшками пальцев.

— Слушай, да не грузись ты наперед, — попытался успокоить его я.

Но Елисей меня перебил и взахлеб заговорил:

— Нет, нет, Серег, ты не подумай, я очень благодарен и тебе, и Марии Сергеевне, и Петрову-Чхве. Правда, правда. Но понимаешь, если мне сейчас надо будет выбирать между научной работой и Венерой, то уж лучше я аспирантуру брошу.

А у меня при этих словах в груди разлилось какое-то щемящее чувство. Передо мной сидел человек, который совершенно точно знал, ради чего он хочет жить и что для него на первом месте.

— Да никто же тебя не заставляет Венеру бросать, — сказал я. — Созвонись с Петровым-Чхве, объясни ситуацию. Он дядька не вредный. Да и причина у тебя вполне уважительная. А документы можно и почтой отправить, потом разберешься.

— Точно! — просиял Елисей, а потом посмотрел на меня. — А ты сам как? Ты тоже к нему переводишься, я правильно понял?

Где я буду к тому времени, когда мое заявление пригодится, я и сам пока не знал.

— Со мной все сложно, потом расскажу, — ответил я. — Ты давай за себя пока порешай, потому что у тебя семья, и карьеру строить надо, сам понимаешь. А науку я тебе, кстати, уже привез. Настоящую.

— Это какую? — насторожился Елисей.

— Сейчас увидишь. Заодно и показатели твои проверим. Бери списки, кто в какой комнате, пойдем по тумбочкам.

Так мы и пошли по комнатам. В каждой я садился рядом со стариком и просил показать все, что он пьет: и то, что назначил врач, и то, что дала соседка, и то, что дочка привезла из города, и витамины, и травки. Старики, кряхтя, лезли в тумбочки, доставали из-под подушек, из карманов халатов, из коробок из-под конфет. Лида педантично сверяла названия с районной картой, Елисей с листом пансионата, а я смотрел на упаковки, и Система говорила мне, что в них и что это вещество делает с конкретным человеком, которого я только что осмотрел.

Аделаида Петровна, ударница социалистического труда, сначала выставила Елисея в коридор и только потом открыла тумбочку. Внутри лежали аккуратно сложенные носовые платки, коробка конфет, «Эналаприл», который ей назначили еще в прошлом году, и упаковка, которой ни в карте, ни в листе не было.

— А это что, Аделаида Петровна? — спросил я.

Аделаида Петровна кивнула на соседнюю кровать.

— А это мне Клава дала. У меня по утрам голова кружится, а у Клавы от давления хорошие таблетки. Она говорит, ей помогают и мне помогут.

Повертев упаковку в руках, я запустил анализ схемы.

Компоненты в поле зрения:
— «Эналаприл» 10 мг в таблетке;
— «Нолипрел А»;
— «Периндоприл» 2,5 мг;
— «Индапамид» 0,625 мг в таблетке.

Совокупное действие схемы для данного организма: избыточное снижение артериального давления; риск повышения калия в крови.

— «Эналаприл» и «Периндоприл»: препараты одной группы; при совместном приеме усиливают снижение давления и нагрузку на почки.

— «Индапамид»: усиливает выведение натрия; при сочетании с двумя препаратами одной группы повышает риск обморока.

— Аделаида Петровна, у вас теперь две таблетки делают одну и ту же работу, — пояснил я. — Вместе они слишком сильно роняют давление, и голова от этого кружится только сильнее. Клавины больше не пейте. Елисей Богданович вам сегодня же давление померит, и решим, что оставить.

— Так Клава же говорила…

— Клава пьет только их, Аделаида Петровна, а вы вдобавок к своим.

— Скажете тоже, — недоверчиво протянула Аделаида Петровна, но Клавины таблетки отдала Лиде без спора.

— Узнай у Клавы, когда она дала Аделаиде Петровне первую таблетку, — сказал я, выйдя в коридор к Елисею. — И кого еще Клава лечила своими таблетками. Это важно.

— Узнаю, — расстроился Елисей. — Серег, это же у меня под носом…

— У меня тоже. Пиши ее к тем, кому лечение меняли.

Елисей тут же записал.

Встретив нас на пороге своей комнаты, Егор Саввич сразу потребовал объяснить, чего это молодой доктор шарит по чужим тумбочкам.

— Ядрен батон, Сергей Николаевич, я ж ничего не прячу! — возмутился он, высыпая на кровать свое хозяйство. — Вот они, пять штук, как вы мне зимой оставили. Едрить их под корень, раньше двенадцать было, а теперь пять, и ничего, живой!

Под подушкой у него нашелся еще и валидол.

— А это что, Егор Саввич?

— А это на всякий случай, — смутился он. — Вы ж его отменили, а мне спокойнее, когда он под подушкой. Я его не пью. Ну, почти.

— Ладно. Пусть лежит, — с усмешкой разрешил я. — Он вам ничего не сделает.

По районной карте первый анализ по программе у Егора Саввича взяли в декабре, еще при отборе, а в конце декабря я сократил ему схему и убрал среди прочего «Диклофенак». Второй анализ взяли в начале марта. Креатинин за это время снизился.

Очень хотелось записать это на счет программы. Только «Диклофенак» я отменил Егору Саввичу как раз между анализами, и отделить, что тут сделала программа, а что отмена таблеток, было уже нельзя. Так что в таблице для совета он пошел к тем, кому меняли лечение.

— Ну что, доктор, помолодел я? — бодро спросил Егор Саввич, собирая таблетки обратно.

— Почки у вас помолодели, Егор Саввич. С чем и поздравляю.

— Ой, спасибочки. А остальное?

— А остальное надо еще смотреть.

— Едрить, — разочарованно сказал он. — А я уже всему этажу похвастался.

У половины стариков таблетки были разложены по коробочкам с подписанными крышками, а на дверце тумбочки висело расписание. И почти ни одно такое расписание не совпадало ни с картой, ни с листом. Оно и понятно, ведь полку организовать гораздо проще, чем режим. Расставил, подписал, составил расписание — и уже чувствуешь себя человеком, который всерьез занялся здоровьем.

А загадочного Игнатова по прозвищу Трутень мы оставили напоследок. Он сидел у себя над шахматной доской и, когда мы вошли, даже фигуру из пальцев не выпустил.

— А, Сергей Николаевич! — обрадовался он хорошо поставленным голосом. — Слышал, слышал, вы сегодня тумбочки инспектируете. Мою можете не открывать. Там у меня сухари и очки запасные.

— И все-таки откройте, Аристарх Петрович.

Игнатов, демонстративно тяжко вздохнув, открыл. Таблеток там и правда не было.

— Ну и что вы со мной будете делать, Сергей Николаевич? — подмигнул Игнатов. — Таблеток не пью, а анализы, говорят, все лучше.

— Запишу вас отдельной строкой, Аристарх Петрович.

— Это почему же?

— Потому что мы вас ничем не лечили, вы у нас только анализы сдавали.

— А объяснение-то вы знаете, я вам про Пелагею говорил, хе-хе… — усмехнулся он. — Вот только в таблицу его не впишешь, да, доктор?

— Не впишешь… — хмыкнул я, но про Пелагею спорить не стал.

Сводить таблицу я сел в кабинете Елисея, пока они с Лидой мерили давление Аделаиде Петровне. Повторно мы обследовали шестнадцать человек из двадцати — четверо выбыли еще раньше.

Игнатова я действительно сразу вынес отдельной строкой. В районной карте за ним с января не числилось ни одного назначения, мы его ничем не лечили, он только сдавал анализы.

Из остальных пятнадцати у семи лечение за время программы меняли, и это подтверждала либо районная карта, либо упаковки в тумбочках, либо и то и другое. Улучшились анализы у шести из семи.

У пятерых лечение действительно не менялось, тут районная карта, пансионатский лист и тумбочка сошлись. Улучшение было у троих из пяти.

По троим сведений было совсем мало. Первым шел дедушка, у которого первый анализ взяли сразу после пневмонии. У одной старушки-веселушки в тумбочке нашлись таблетки без упаковок, и «Природа веществ» определила в них обычный анальгин, вот только когда и как часто она его пила, было непонятно, а она не помнила. Третьей была Зинаида Петровна. У дедушки и у бабушки с анальгином анализы стали лучше, а у Зинаиды Петровны гемоглобин за время программы упал.

Вместе с Игнатовым лучше стало двенадцати из шестнадцати, это и были те самые три четверти, которые мы с Марусей поставили в статью.

Выходило, что на счет программы можно записать троих из тех пяти, кому лечение не меняли. Я начал было это вносить в программу, но остановился.

В Москве я говорил Долматову, что, если таких стариков останется трое, все равно не узнаю, что им помогло. И вот их действительно трое, а я чуть не записал их программе в заслугу!

Стерев начатое, я написал только то, что видел. У троих из пяти показатели стали лучше при прежних назначениях, а помогла ли им программа, по пяти старикам определить я затруднялся.

Открыв «Сопоставление случаев», я внес все, что мы за день увидели. Система требовала держать в голове сразу всех шестнадцать, их анализы, даты, упаковки и записи, так что под конец у меня аж заломило виски.

Открыв Систему, я внес сегодняшние осмотры.

Сопоставление случаев. Промежуточный итог.

Личных наблюдений сохранено: 17. Повторных: 1.

Повторяющееся расхождение: принимаемые препараты не совпадают с записанными назначениями. Выявлено у 9 пациентов из 16.

Для проверки гипотезы требуется не менее трех личных наблюдений каждого пациента.

Очень удобный функционал у меня появился! Жалко только, что повторные наблюдения Системе нужны были мои собственные, а меня через несколько дней в Морках уже не будет. Значит, гипотеза в «Сопоставлении случаев» останется непроверенной, пока я не вернусь к этим старикам.

Но исследованию хватит и обычных осмотров, а их может вести другой врач. Открыв текст для совета, я вписал, что повторные наблюдения в отношении участников, которым лечение не меняли, продолжит Елисей Богданович Ротонос. Потом отыскал в этом тексте наши с Марусей три четверти и стер их, не дожидаясь, пока этого потребует совет.

Елисей вернулся, когда я как раз дописывал последнюю строку.

— Давление у Аделаиды Петровны девяносто на шестьдесят, — доложил он. — Клаву я тоже нашел, говорит, недели три как таблетками поделилась. Серег, ты как? Ты прям зеленый какой-то стал. Может, чаю сладкого сделать?

— Нормально, голова от цифр гудит. Не хочу чаю. И слушай, ты «Эналаприл» ей пока тоже придержи, а завтра перемерь давление, там и решим. А теперь смотри сюда. — Я развернул к нему ноутбук. — Вот эти пятеро. Вести их дальше будешь ты, я тебя уже вписал. Раз в месяц осмотр, анализы и тумбочка. Тумбочка обязательно. Ты должен стать их личным пилюлькиным инквизитором.

Елисей усмехнулся и долго читал строчку со своей фамилией, и уши его снова порозовели.

— Это же в совет пойдет, Сергей… — недоверчиво сказал он. — В Москву же?

— Да, в Москву. Но вот с этим ты Петрову-Чхве и позвонишь. Материал для диссертации живет у тебя под боком, в этом самом пансионате.

— А ты? — ошарашенно спросил он. — Ты же сам хотел их вести.

— А я, Елисей, скоро уеду из Морков, и надолго. Только про это пока никому.

— Куда? — вытаращился Елисей.

— Потом расскажу. А сейчас мне надо к Игнатову. Хочу все-таки понять, что же с ним сделала Пелагея.

Глава 2

Когда я вернулся к Игнатову, тот по-прежнему сидел за столом и играл сам с собой в шахматы. При виде меня он прям обрадовался:

— О, снова вы! — улыбнулся он. — Опять пришли выяснять, почему я никак не помру до сих пор?

— А вы что, уже потихоньку собираетесь? — подхватил его шутливый тон я.

— Я? Да вообще-то пока не планировал.

Я включил Систему.

Игнатов Аристарх Петрович, 85 лет.

Прозвище: Трутень.

2-й уровень социальной значимости.

Отношение к носителю: Любопытство.

Биологический возраст: 68 лет.

На прошлой неделе система показывала, что его биологический возраст шестьдесят девять! Да что с ним не так? Вернее, с ним все так, но что именно?

Я ошарашенно покачал головой:

— Послушайте, а что все-таки Пелагея с вами такое сделала?

Трутень приосанился и самодовольно улыбнулся:

— А что, интересно, да? Все покоя не дает?

— Ну, как врачу и исследователю — не дает, даже не спорю.

— Ох, Пелагея — бабец еще тот. Это вы ее сейчас видите такой, как она уже стала — кошелка старая да негодная. Знали бы вы, доктор, что она раньше умела! Такое вытворяла, что мама не горюй. Люди потом всю жизнь понять не могли, что это было.

— А можно подробнее? — заинтересованно попросил я.

И Трутень неожиданно сказал:

— Да она, если захочет, может сделать так, что и родная мать тебя не узнает.

— А конкретнее? — насторожился я.

— Расскажу, — согласился Трутень. — Но только если сыграете со мной партейку.

Я в шахматы в свое время играл, и неплохо, поэтому охотно согласился. Мы раньше с Вадимом любили проводить так время.

Мне достались черные, а Трутень себе на правах хозяина взял белые. Спорить я не стал. Азартно расставляя фигурки, он начал рассказывать:

— В общем, много лет назад, когда я еще был молодым орлом, в одной из деревень, в какой я точно сейчас не вспомню, жила одна женщина. Ее звали Нюрка, и у нее был маленький сын, ну, такой мелочь пузатая где-то лет четырех. Однажды в их доме случился пожар, и пацан внутри остался. Мамка бросилась за ним, сына-то она спасла, но сама при этом сожгла всю морду. — Трутень вздохнул. — Видишь, как оно бывает. Короче, выжила чудом, потом в больнице долго лежала. А опосля вернулась домой, и здесь началось самое страшное. — Он сделал театральную паузу и передвинул первую пешку. — Ваш ход, Сергей Николаевич.

Я кивнул, тоже переставил свою черную, а он тем временем продолжил рассказывать:

— В общем, сын мамку не признал. Понимаете, он же помнил, какая она была. А когда увидел ее после больницы, перепугался до усрачки, говорят, спрятался за бабку и орать начал. Мамку звать начал. И эта Нюрка сколько ни пыталась его зазвать, он к ней не пошел. Говорят, так убивалась она. Бабы сбежались, давай ее утешать, мол, со временем привыкнет. Но она все равно голосила. Короче, потом эта Нюрка таки не выдержала, начала носить платок, закрывала лицо, старалась лишний раз на люди не показываться. И вот кто-то надоумил ее пойти к Пелагее.

Он самодовольно усмехнулся и вдруг молниеносно съел мою пешку и аж крякнул от удовольствия.

— В общем, Пелагея ее осмотрела и сказала, что полностью сделать назад не может, шрамы-то никуда не денутся. А та ее, значится, просить стала, мол, мне же не надо, чтоб я красивая была, мне надо, чтоб сынок меня не пугался и признал. И Пелагея что-то там подшаманила и потом сотворила для нее новую личину. Не красавицы, конечно, а вот какая она была раньше, понимаешь? — Трутень опять сделал ход и поднял на меня взгляд хитрых глаз.

— А дальше что было? — заинтересованно спросил я, невольно затаив дыхание.

— Да ясно что, пацан как мамку увидел, обрадовался, мол, мамка приехала, бросился к ней, обнял. В общем, все хорошо было. А потом прошло время, и когда надо было эту личину подправлять…

— Подождите, она что, была временной? — удивился я.

— Ну да, там что-то пару месяцев вроде, я точно не знаю. Так бабы наши шептались. За что купил, как говорится, за то и продаю. Так вот, Нюрка-то эта поначалу все бегала к ней, двух поросят и мешок муки вынесла за личину эту. И вот она второй раз пришла, в третий, а потом больше и не приходила уже. Пелагея по первой не поняла, в чем дело, и пошла к ней сама разбираться. А та говорит, типа, пацан привык ко мне, я на ночь личину снимала, он меня такой видел, какая я есть, и теперь уже не боится. Да и повзрослел маленько. Поэтому менять я уже эту личину не буду. Ну, в общем, все у них хорошо было. Они так и жили, сын ее любил. Вырос такой двухметровый амбал, работал у нас в райцентре дизельщиком, и все хорошо дальше у них было.

Я слушал с неослабевающим интересом.

— Вот такие дела. — Трутень помолчал, пожевал губами и потом добавил: — Вот ведь как оно получилось. Пелагея-то ей лицо, считай, вернула, хотя потом оно ей и не понадобилось, но ведь смогла же. Шах и мат!

Я сидел молча, переваривая услышанное. Нет, не шах и мат, а то, что Пелагея может менять личину. Я прислушался к старику через эмпатию. Он не привирал и верил каждому своему слову. Только рассказывал он одну из местных легенд, байку, которая за все эти годы могла обрасти фантастическими подробностями и совершенно отличаться от первоначальной версии. Умеет ли Пелагея такое на самом деле, могла сказать только она.

Но ведь сам Трутень сидел передо мной и в свои восемьдесят пять обыгрывал меня в шахматы. Если Пелагея сбросила ему столько лет, может, она и лицо мне переменит? Искать-то меня однозначно будут по лицу. С документами, надеюсь, поможет Михалыч, но с новым паспортом и старым лицом меня узнает первый же человек, который смотрел новости.

Врач и бывший академик на полном серьезе собирается просить деревенскую знахарку переделать ему лицо! С ума сойти! Но ведь Витя у нее заговорил.

И я решил, что мне сейчас же надо ехать к ней.

Быстренько распрощавшись с Трутнем, я торопливо спустился в холл. Но тут из кабинета выскочил Елисей:

— Вот ты привык, Серега, постоянно сваливать, даже не прощаясь, — обличительно сказал он, протягивая мне руку, и кивнул на окно. — Слушай, а мужик твой в машине все время на наши двери смотрит. Водители так не глядят.

— Это не водитель, Елисей. Это ко мне уже соглядатая приставили, представляешь? А мне сейчас надо в одно место втихушку смотаться.

— Да легче легкого, — оживился Елисей. — Хочешь, я его к себе в кабинет позову? Скажу, что про тебя расспросить надо. Чаю попьем, найду, как задержать. А ты пока через кухню выйдешь.

Я представил, как Филатов докладывает Ремизову, что подопечный удрал от него через кухню дома престарелых, и покачал головой.

— Спасибо, Елисей, но пусть лучше ездит следом и скучает. Чем скучнее ему со мной, тем мне спокойнее.

— Ну смотри. — Он хлопнул меня по плечу. — Если что, чай у меня всегда есть. Удачи тебе.

Лиду с ее картами он пообещал отправить в больницу с санитаром Василием.

Выйдя на крыльцо пансионата, я позвонил Семену. Когда тот ответил, в трубке что-то гремело.

— Сергей Николаевич! Ой, извините, я тут ведро уронил. Слушаю вас.

— Семен, ты сегодня Витю к Пелагее повезешь?

— Да. Витя с обеда в куртке у двери сидит. «Надо», говорит, и все тут. А что?

— Я с вами поеду. Мне Пелагею повидать надо, и с тобой поговорим заодно по дороге.

— Так это ж… конечно, Сергей Николаевич! Мы как раз собираемся. Вы к дому подъезжайте, мы подождем.

Убрав телефон, я пошел к машине. Филатов дремал, откинув спинку кресла, и, когда я постучал в стекло, вздрогнул.

— Иннокентий Сергеевич, сейчас заедем к одному пациенту, а дальше я поеду с ним в Кужнур на его машине. Он сына на коляске везет, хочу посмотреть, как парень перенесет дорогу. Это деревня за Чукшей, минут сорок. Вы, если хотите, езжайте следом, а если нет, подождите в санатории.

— Следом, — поднимая спинку, сухо ответил Филатов.

Семен уже ждал нас у ворот. Витю он устроил на заднем сиденье, пристегнув ремнем и подоткнув со всех сторон плед, а сложенную коляску уложил в багажник. Я сел впереди. Машина Филатова пристроилась за нами, едва мы выехали из Морков.

— Это кто ж вас привез, а теперь за нами едет? — спросил Семен, поглядывая в зеркало.

— Человек из Москвы. Он со мной везде ездит.

— Охранник, что ли?

— Вроде того.

Покачав головой, Семен стал чаще поглядывать в зеркало. Витя сзади смотрел в окно на заснеженные ели и что-то тихонько гудел себе под нос.

Начинать разговор при Вите не хотелось, он все понимал, и делать вид, будто его здесь нет, было бы еще хуже. Так что я повернулся назад.

— Витя, я тут с папой о делах поговорю. Ты не обижайся, ладно?

Витя закрыл и открыл глаза.

Я снова сел прямо.

— Семен, я скоро уеду. Надолго.

Семен так резко повернул ко мне голову, что машину повело к обочине, и он, охнув, выровнял руль.

— Как надолго, Сергей Николаевич?

— Пока не знаю. Может, на несколько месяцев. Может, больше.

— Ох ты ж, божечки мои, — пробормотал Семен. — А Витя-то как же? Он же к вам привык. Он же… вы же…

— С Витей все будет хорошо, занятия ему оплатят вперед, а Самарцев будет за ним смотреть, как смотрел.

— Так-то оно так, — растерянно сказал Семен и сбросил скорость. — Это из-за него, да? Из-за этого вот, который за нами едет?

— Из-за тех, кто его прислал.

— Сергей Николаевич, а с вами-то ничего не будет?

— Постараюсь, чтобы не было, — сказал я.

— Вы уж постарайтесь, — вздохнул Семен. — Витя вас Сергеем зовет, а меня даже папой не всегда.

— Сергей, — подал голос Витя.

Я обернулся. Витя смотрел на меня без улыбки.

— Приезжай, — с трудом выговорил он.

— Приеду, Витя. Не скоро, но приеду.

Закрыв и открыв глаза, Витя отвернулся к окну.

У калитки Пелагеи Филатов, остановившись чуть поодаль, заглушил мотор. Из машины он не вышел, и меня это устраивало. Пусть видит, как доктор с отцом везут больного парня к деревенской знахарке, ничего интересного для Ремизова в этом нет.

Я давно не был у Пелагеи дома и перемены заметил сразу. Отремонтированное крыльцо желтело свежеструганными досками, возле дома дрова были аккуратно сложены в поленницу. Пока Семен доставал из багажника коляску и пересаживал в нее Витю, я придержал калитку. Семен вкатил коляску в дом, и я вошел следом. На столе стояла не одна чашка, а несколько и миска с мятными пряниками. На подоконнике лежали карандаши и альбомы Вити, один из его рисунков висел на стене.

Я подошел и посмотрел: на нем было нарисовано три человека. Двое, видимо, изображали Семена и Витю. А в третьем я, к своему удивлению, узнал Пелагею. Причем нарисована она была как традиционная Аленушка с шоколадки. Только вместо детского лица там было лицо старушки в платочке. Мне почему-то казалось, что раньше Пелагея не позволила бы повесить у себя подобное художество.

В доме вкусно пахло сушеными травами и свежими булками. Старые облупившиеся часы тикали на стене. Вдруг они бомкнули, из них вырвалась дряхлая кукушка, укоризненно прохрипела что-то пару раз и торопливо спряталась обратно.

Пелагея тихо сидела на лавке возле печи. Я присмотрелся и отметил, что сильно она сдала: похудела, лицо осунулось, щеки запали, и кожа стала почти прозрачной. Причем настолько, что на руках резко обозначились жгуты темно-синих вен. Пальцы ее мелко дрожали. Даже платок, который раньше сидел на голове плотно, теперь казался чересчур большим и слегка скособочился.

Она попыталась встать, чтобы нас встретить, но, охнув, схватилась за поясницу и осела обратно.

— Сидите, сидите, — сказал я.

— Ишь, раскомандовался, йот ен, — по привычке беззлобно проворчала она, но осталась сидеть, буравя меня пристальным взглядом.

Я подошел ближе, и мне стало не по себе. Еще в прошлый раз я видел, что она сильно ослабла. Но даже не представлял, насколько далеко сейчас зашел этот процесс.

Семен подкатил коляску к окну и положил Вите на колени альбом, а потом, привычно повязав фартук, ушел со шваброй в другую комнату, чтобы нам не мешать. Витя улыбнулся Пелагее и сосредоточенно склонился над рисунком.

Я же от всего этого моментально забыл, зачем приехал, и включил Систему. Но, как и раньше, она ничего не показала.

— Как вы себя чувствуете? — осторожно спросил я Пелагею. — Боли, слабость, голова кружится? Знаете, нужно вас хорошо обследовать. Я могу организовать помощь в санатории, могу привезти необходимые препараты и подобрать вам лечение.

Пелагея внимательно слушала меня, потом чуть насмешливо улыбнулась:

— Все лечишь, йот ен?

Я пожал плечами:

— Я же врач.

И тут она положила сухую, почти невесомую, похожую на сморщенную птичью лапку руку поверх моей. И в этот момент произошло то, чего я вообще не ожидал. Перед глазами развернулся интерфейс Системы. Впервые за все время знакомства с Пелагеей Система выдала диагностический модуль.

Диагностика завершена.

Объект: Эшпаева Пелагея Чоткаровна, 102 года.

Основные показатели: температура 35,8 °С, ЧСС 52, АД 90/56, ЧДД 14.

Обнаружены аномалии:

— Истощение функциональных резервов всех систем органов. Причина не определена.

Предиктивное моделирование завершено.

Заданный сценарий: без лечения.

Прогнозируемая динамика:

— Общее состояние: тяжелое терминальное в течение 12–16 суток.

Точность прогноза: 56% (одна диагностика).

Примечание: механизм истощения не определен.

Сказать, что я обалдел, — это ничего не сказать. Несколько раз я попытался повторить сканирование, но все оставалось на том же уровне.

Пелагея насмешливо смотрела на мои попытки, а потом хмыкнула:

— Ну что, доктор, теперь увидел?

Я не нашелся, что ей ответить. А она продолжила:

— Мне уже недолго осталось.

— Пелагея Чоткаровна, давайте сперва мы попробуем с вами поработать. Есть один такой метод…

— Ничего не надо. — Она посмотрела на меня пронзительным взглядом поблекших глаз. — Я и так здесь подзадержалась, йот ен.

Меня накрыла волна возмущения. Потому что она вот так тихо принимала свою смерть как неизбежность. А ведь только недавно обрела Витю.

— Но ведь вы даже не знаете, что я вам хочу предложить! — попытался я достучаться до упрямой старухи.

— Знаю. Жить подольше, — фыркнула она, и лицо ее от этого стало как печеное яблочко.

— Так разве это плохо?

— Нет, йот ен, это хорошо. Только мне уже хватит.

— Да вы же только жить нормально начали, — не выдержал я.

Пелагея посмотрела на меня и неожиданно ответила:

— Вот потому и хорошо, что я все успела. — А потом показала на рисунок Вити. — Видишь, какой он меня красавицей нарисовал? Я ему говорю, что нос у меня не такой, а он говорит, что такой.

При этих словах она тихонечко захихикала.

Я посмотрел на рисунок, потом на нее, и впервые за долгое время мне захотелось отвернуться, чтобы она не увидела мои глаза.

— Ты знаешь, йот ен, мы уже с Витей все уже обсудили. И он знает, что такое мой дар, и знает, что, получив его, получит ответственность и изменится. Он станет не просто таким, как все остальные люди, но еще лучше. Я его не заставляла, не думай, и ничем не пугала. Пусть сам скажет. Витенька, будешь у меня учиться?

— Буду, — не поднимая головы от альбома, отозвался Витя.

— Слыхал? — с гордостью сказала Пелагея. — Так вот, передача дара состоится в новолуние. Это через восемь дней. Ты тоже приходи, йот ен. Обязательно.

— Я-то зачем? — удивился я.

— Надо, чтоб ты посмотрел, как я дар передавать буду. Ты должен это увидеть.

Девятнадцатого я рассчитывал быть очень далеко отсюда. Покосившись на Витю, я заговорил о другом:

— Знаете что, Пелагея Чоткаровна, обезболивающее я вам назначу. Самое простое, парацетамол. Семен сейчас сходит в ваш аптечный пункт и купит, а я распишу, как пить.

— Зачем? — удивилась она.

— Вам же больно. Я видел, как вы вставали.

— Ну, ничего страшного, потерплю. Всю жизнь терпела и сейчас не велика барыня — потерплю.

— Нет, хватит уже этих разговоров! — строго сказал я. — Вы никому больше ничего не должны. И боль терпеть не надо.

Неожиданно она согласилась:

— А и ладно, пусть несет твои таблетки.

Я понял, насколько это большое доверие. Вырвав из блокнота листок, я написал название и схему приема и позвал Семена.

— И Витю с собой возьми, — велела ему Пелагея. — Нечего ему в духоте сидеть, пусть на снег поглядит.

Вопросительно глянув на меня, Семен спорить не стал и покатил коляску к двери. Витя, обернувшись на пороге, посмотрел на Пелагею.

— Иди, Витенька, — тепло сказала она. — Мы тут недолго.

Хлопнула дверь сеней. Пелагея помолчала и тихо спросила:

— Но ты ведь совсем не за этим ко мне пришел?

Я молчал, обдумывая, как бы ей это сказать. Она, увидев мою заминку, резко велела:

— Говори все как есть!

И неожиданно даже для самого себя я рассказал ей о фонде, о том, что от меня они требуют выдать научные разработки, о том, что из-за меня уже пострадали близкие и еще пострадают. О проверке санатория. О том, что рядом со мной постоянно крутится надзиратель, которого прислал фонд. И о том, что после субботы меня здесь не будет.

— Боишься? — прямо спросила Пелагея, глядя мне в глаза.

Ответил я не сразу, но честно:

— Боюсь.

Она согласно кивнула:

— Вот и правильно.

— Что правильно? — не понял я.

— Что боишься. Только дураки ничего не боятся.

Я невольно усмехнулся, а затем поведал ей о разговоре с Трутнем.

— Вот кобелина Аристаршка, разболтал все секреты на старости лет, — скрипуче рассмеялась Пелагея.

— Так это правда, что вы можете человеку лицо переменить?

Пелагея умолкла и долго-долго внимательно смотрела на меня.

— Могу, — ответила она, и от изумления я даже не сразу нашелся, что сказать.

— А если меня сфотографируют? А если в зеркало глянуть, там будет другой человек?

— Другой, — кивнула Пелагея. — И на карточке другой, и в зеркале, и в луже. Глаза я никому не отвожу, йот ен, это тебе не морок. Лицо будет настоящее, только чужое. Сам от себя шарахаться станешь.

— А обратно свое лицо я смогу вернуть?

— Конечно сможешь. Снимешь, как та бедовая Нюрка на ночь снимала, а надо будет, снова наденешь. А чтоб ты с чужим лицом умом не тронулся, оставлю тебе лазейку. Захочешь — зеркало покажет тебя прежнего. Только тебе одному, для других там будет чужой.

— А голос? Рост?

— Рост какой есть, такой и останется. И голос, и плечи, и походка. Кто тебя по голосу знает, тот и узнает, так что рот при знакомых поменьше разевай.

Я задумался и спросил:

— А на сколько хватит?

Пелагея посмотрела на меня, прищурившись, словно что-то прикидывая, и ответила:

— Ну, месяцев на восемь точно. А потом заново обновлять надо.

И я вдруг вспомнил сообщение Системы и посмотрел на нее.

— Пелагея Чоткаровна…

Но она сразу все поняла и не стала дальше слушать, перебила меня:

— Не бойся. Витя потом все сделает. Я всему научу. — И затем глухо добавила: — Этот Витя очень многое скоро сможет. Намного больше, чем я, потому что он намного лучше меня. Я долго училась понимать, что людям делать можно, а что нельзя. А он уже сейчас понимает.

— А что я вам буду должен?

— Денег твоих мне не надо, — поморщилась Пелагея. — На что они мне теперь? Я тебя на новолуние звала, вот и придешь. Где бы ты ни был и чем бы ни был занят. Слово дай.

К новолунию меня будут искать, и в первую очередь здесь, в Морках. Но у человека, который приедет в Кужнур на новолуние, будет другое лицо.

— Даю слово, — сказал я. — Приеду.

— Ну а лицо-то тебе когда менять будем, йот ен?

— В субботу. С утра у меня дела, а к обеду освобожусь и приеду. Для новых документов нужен снимок, и сниматься я должен уже с новым лицом.

— В субботу так в субботу. В дом войдешь один. И крест на шею не вздумай надеть, там эгрегоры разные. А кто тебя за калиткой ждать будет, — она кивнула на окно, за которым стояла машина Филатова, — мне все равно, лишь бы сюда не лез.

— Не полезет, — покачал я головой и осторожно спросил: — А что от меня потребуется для личины?

— Ничего особенного. Только определиться надо, какое из твоих лиц настоящим считать.

Я удивленно посмотрел на нее:

— Так ведь у меня одно лицо.

Пелагея рассмеялась:

— Это ты другим рассказывай, йот ен, мне-то зачем врешь? Я же вижу, что вас там двое…

Глава 3

Внутри у меня все оборвалось. Я даже не сразу понял, что держу в руке блокнот, из которого вырывал листок для Семена, и сжимаю его так, что картонная обложка смялась.

О том, что во мне живут двое, не знал никто. Ни Маруся, ни Борька, ни Сашка, ни Ева. А деревенская старуха, которой я об этом и слова не говорил, сидела на лавке у печи и объявила это между делом, даже голоса не понизив.

— Кого двое? — глупо переспросил я.

— Ишь, глаза-то как забегали, — насмешливо фыркнула Пелагея. — Ты не бегай, йот ен, я все равно никуда не денусь. Мне и вставать-то лень.

— Пелагея Чоткаровна, вы, наверное, что-то не то увидели. Я устал, день был длинный…

— Мне сто два года, — перебила она. — Мне уже ничего не кажется. Это вам, молодым, все мерещится.

Я заставил себя положить блокнот на стол и сесть на табуретку напротив нее. Руки надо было чем-то занять, и я сцепил пальцы в замок, после чего, включив Систему, попробовал хотя бы эмпатию. Ничего. Руки Пелагеи лежали на коленях, и тянуться к ним я не решился.

— Хорошо, — медленно сказал я. — Допустим. И какой он, этот второй?

— А то ты сам не знаешь, — хмыкнула Пелагея.

— Я хочу знать, что видите вы.

— Вижу, что сидит один, а смотрят двое. А больше тебе от меня и не надо.

— И давно вы это видите?

Пелагея прищурилась и пожевала губами.

— Не первый день, йот ен. Ты ж не первый раз у меня на пороге топчешься.

Значит, заметила она это не сегодня. Я возил к ней Витю, уговаривал ее лечиться, а она видела во мне двоих и молчала. Почему? Неинтересно было? Или ждала, пока я сам приду просить?

— А почему раньше не сказали?

— А ты раньше лицо менять не просил, — пожала она плечами, и платок еще сильнее съехал набок. — Раньше мне до вас обоих дела не было. Живете и живете, никому не мешаете.

— А сейчас?

— А сейчас мне личину на тебя надевать, — фыркнула Пелагея и поправила платок дрожащими пальцами. — А положить ее я могу только на одно лицо, не на два. Вот и выбери до субботы, какое из них ты своим считаешь. Не мне же за тебя выбирать.

— А вдруг я неправильно выберу?

— Тогда снимешь личину и вернешься не к тому лицу, — хмыкнула она. — Мне-то что, не мне с этим лицом жить.

Объяснять что-то еще она явно не собиралась. Сгорбившись, ведунья смотрела в окно — видимо, ждала Семена с Витей, которые ушли к аптечному пункту.

— Вам что, совсем не любопытно, кто он? — не выдержал я.

— Мне любопытно, когда Витя с твоим парацетамолом вернется, — устало проворчала Пелагея. — А кто он такой — это уж твое дело, йот ен. Захочешь рассказать, расскажешь, а не захочешь, так мне и не надо. В субботу ты мне только скажи, какое лицо твое.

— Я подумаю, Пелагея Чоткаровна.

— Вот и думай. Только приходи с ответом, а не с вопросами.

Она прикрыла глаза и откинулась затылком к теплому боку печи. Глядя на нее, я думал об одном. Если Пелагея это видит, может, увидит и кто-то еще? Витя, например, когда получит дар? Или какая-нибудь бабка из соседней деревни? Сколько вообще ходит по свету людей, которым достаточно на меня взглянуть, чтобы это увидеть?

Додумать я не успел — в сенях загремело, хлопнула дверь, и в избу задом вкатился Семен, затаскивая через порог коляску с Витей.

— Ох ты ж… — запыхавшись, сказал он. — Сергей Николаевич, там у аптечного пункта две бабки поругались, какая из них первая стояла, а продавщица обеих выгнала и обед объявила. Кошмар! Еле уговорили ее отпустить нам лекарство. Объяснил, что для Пелагеи. Вот, все купил, как вы написали.

Он протянул мне коробочку. Проверив дозировку, я выдавил одну таблетку и налил в кружку воды из чайника.

— Дай, — сказал Витя.

Семен растерянно посмотрел на меня, но я отдал таблетку Вите. Тогда Семен подкатил коляску к лавке, и Витя сам протянул таблетку Пелагее на раскрытой ладони. Та открыла глаза и взяла ее. Я подал ей кружку, и, запив, она сердито поморщилась.

— Горькая, — пожаловалась она.

— Надо, — сказал Витя.

— Ишь ты, «надо», — проворчала Пелагея, но лицо при этом разгладилось. — Только говорить толком научился, как нахватался уже! У доктора взял такую манеру командовать?

— Баба… — извиняющимся тоном вымолвил Витя.

— Ладно, ладно, Витенька, — потеплела Пелагея.

— Семен, вы листок не потеряли? — спросил я.

— Да как можно, Сергей Николаевич! Вот он, в нагрудном кармане. — Он похлопал себя по груди. — Мы тут с Витей до вечера побудем, а то и заночуем. Я ей дров наколю, суп вермишелевый сварю, а таблетки по вашему листочку дам.

— Если боль не уйдет или станет хуже, звоните мне в любое время.

— Позвоню, Сергей Николаевич.

Пелагея на меня больше не смотрела. Она что-то тихо говорила Вите, а тот кивал и показывал ей альбом. Я попрощался и вышел, а она так и не обернулась мне вслед.

Филатов сидел в машине с включенным двигателем. Когда я сел рядом, он молча отложил телефон.

— В санаторий? — спросил он.

— В санаторий.

Выехав за околицу, Филатов покосился на меня.

— Долго вы тут проторчали, — обличительно заметил он.

— Пациентка тяжелая, Иннокентий Сергеевич. Сто два года. Феномен.

— Как скажете, — слишком уж равнодушно ответил он и больше всю дорогу не произнес ни слова.

Меня это устраивало. Я смотрел, как за окном мелькают черные ели.

Вечером у себя в комнате я отписался Сашке: «*Жив*». Наш с ним уговор держать в курсе начинался только с отъезда, но привыкать к нему стоило уже сейчас. Он почти сразу ответил: «*Понял*».

Борьке я написал подробнее: «*Борис Альбертович, докладываю. Стариков пересчитал, все на месте. Маруське привет. Как выедете, напишите*».

Не успел я отложить телефон, как он снова звякнул. Писал Долматов.

«*Прилетаю завтра в Казань, посадка в 8:40. Чемодан цел. Долматов*».

Я невольно улыбнулся. Значит, внучка чемодан так и не выбросила. Оставалось решить, кто встретит его в аэропорту.

Сашку я нашел в мастерской. Он сидел над разобранным блоком питания и при виде меня даже головы не поднял.

— Саш, тут такое дело, — сказал я и протянул ему телефон. — Посмотри.

Вытерев руки о штаны, он взял телефон и прочитал.

— Это кто?

— Профессор из Москвы, председатель научного совета. Я его сам сюда позвал, на стариков посмотреть. И пообещал, что его встретят у трапа.

— У трапа, значит, — хмыкнул Сашка, возвращая телефон. — Серега, ну я тебе что, трап? Ты, блин, за меня еще кому-нибудь пообещать что-нибудь не успел?

— Саш…

— Ладно, встречу, — буркнул он. — Мне все равно в Казань за запчастями надо.

— Спасибо.

— За запчастями, говорю, — повторил Сашка и снова склонился над блоком питания. — Все, отвали, Епиходов, мне не до тебя щас.

***

К полудню Сашка привез Долматова прямо к пансионату. Достав из багажника потертый коричневый чемодан на колесиках и докатив его до крыльца, Сашка сухо кивнул мне, после чего молча уехал обратно в санаторий.

Долматов, в расстегнутом пальто и сбившемся шарфе, остался стоять у крыльца, щурясь на снег. Потом крепко пожал мне руку.

— Ну, Сергей Николаевич, дороги у вас тут так себе, врать не буду, — проворчал он. — Но молодой человек ваш встретил меня и всю дорогу молчал, за что ему отдельное спасибо. В самолете я так и не уснул, зато в машине подремал. Ну что, где там ваши карты?

— Внутри, Матвей Львович. Пойдемте.

Он двинулся было к дверям, но вдруг остановился, увидев Филатова. Тот стоял у своей машины и смотрел в нашу сторону.

— А этот что здесь делает? — нахмурился Долматов. — Он же у Веры Павловны в приемной сидит. Я его там не раз видел.

— Аркадий Семенович прислал. Возит меня.

— Ну-ну, — без всякого выражения сказал Долматов. — Меня вот в Москве никто не возит, а к вам вон кого аж в Морки прислали. Хм… Что ж, показывайте ваши карты.

В кабинете Елисея нас ждали сам Елисей и Лида. Она приехала еще утром и разложила карты по группам, причем игнатовскую оставила отдельно, сбоку. При виде Долматова Лида торопливо одернула халат.

— Это Лидия Павловна Небогатикова, старшая сестра нашей районной больницы, — сказал я. — Карты из архива поднимала она. А это Елисей Богданович Ротонос, он заведует пансионатом.

— Очень приятно, Лидия Павловна, — сказал Долматов и, сняв пальто, бросил его на спинку стула. Елисею он просто кивнул. — Где таблица?

Я развернул к нему ноутбук. Долматов надел очки и повел пальцем по строчкам. Потом, не говоря ни слова, наугад вытянул карту из той стопки, на которой у Лиды было написано «не меняли».

— Номер одиннадцать, — прочел он и, полистав карту, ткнул пальцем в запись. — А это что? Простуда в конце января. Температура. Вот вам и воспаление, вот вам и белок воспаления. Чем его лечили? И через сколько после этого брали кровь?

— Посмотрите в таблицу, Матвей Львович. Примечание в последнем столбце.

Долматов перевел взгляд на экран. Там было записано, что простуда прошла без назначений, температура держалась два дня, а повторный анализ взяли через пять недель после выздоровления.

— Хм. Пять недель — срок достаточный, — признал Долматов и потянул карту из стопки, где сведений было мало. — А этот почему у вас здесь?

— Это дедушка после пневмонии. Первый анализ у него взяли через неделю после выписки, когда воспаление еще не улеглось, так что первому анализу верить нельзя и сравнивать второй не с чем.

— Правильно, — буркнул Долматов и, открыв последнюю страницу, прищурился. — А это кто записывал? Список лекарств с датами.

— Я, Матвей Львович, — испуганно сказала Лида.

— Почерк у вас, голубушка, лучше, чем у половины моих профессоров, — одобрительно заметил он. — И даты все выставлены. Это редкость.

Покраснев, Лида замахала на него руками и, пробормотав что-то про чай, выскочила из кабинета.

— Хорошая женщина, — сказал Долматов ей вслед. — На таких вся наша наука и держится. Ну а теперь, Сергей Николаевич, давайте к живым. Хочу сам посмотреть, что у них в тумбочках.

Елисей заранее предупредил Егора Саввича, что приедет профессор из самой Москвы, и дед ждал нас на кровати в свежей рубашке. Едва мы вошли, он приосанился.

— Здравия желаю! Это вы, что ль, главный по нашему омоложению?

— Можно и так сказать, — усмехнулся Долматов. — Как вы себя чувствуете?

— Да жаловаться грех, ядрен батон. Вот только одно, профессор, — понизив голос, все же начал жаловаться Егор Саввич. — По ночам в туалет бегаю по три раза. Едрить, это ж разве жизнь?

Долматов обернулся ко мне.

— Жалоба, Сергей Николаевич. Записали?

— Записали еще в январе, Матвей Львович. Это от мочегонного, он его пил и до программы. Чаще бегать за это время не стал.

— Не стал, — подтвердил Егор Саввич. — Я и раньше бегал. Просто жалуюсь, пользуясь удобным случаем.

Долматов хохотнул и попросил показать тумбочку. Егор Саввич с готовностью высыпал на кровать свои пять упаковок, а про валидол под подушкой, к моему удивлению, рассказал сам. Видимо, московскому профессору он доверял куда больше, чем местным.

Аделаида Петровна первым делом выставила Елисея в коридор и только потом взялась жаловаться Долматову.

— Голова со вчерашнего дня меньше кружится, это правда, — сообщила она. — Зато Клава обиделась, что я ее таблетки больше не пью. Второй день со мной не разговаривает.

— А раньше разговаривала? — заинтересовался Долматов.

— Раньше мы с ней корейский сериал вместе смотрели, — горько вздохнула Аделаида Петровна. — А теперь она его одна смотрит, а мне не рассказывает, что было. Вот скажите, это же подлость с ее стороны?

— Однозначно, — кивнул Долматов. — А…

— А сериал про одну женщину, которую в школе травили, — перебивая его, начала рассказывать Аделаида Петровна.

Покорно выслушав про сериал, Долматов расспросил, давно ли кружится голова и только ли по утрам, и записал ответы в блокнот.

Пока он расспрашивал стариков, я осмотрел обоих и внес в «Сопоставление случаев» второе личное наблюдение по каждому.

— Молодой человек, — уже в коридоре обратился он к Елисею. — Список всех жильцов у вас есть? Всех, а не только участников программы.

— Есть, — растерялся Елисей. — Сейчас принесу.

Он сбегал к себе в кабинет и принес распечатку. Положив ее на подоконник, Долматов достал из кармана карандаш и повел им по фамилиям. Возле некоторых он останавливался и спрашивал Елисея, сколько человеку лет, чем болеет и сколько живет в пансионате, только потом ставил галочку или пропускал. Участников программы он обходил.

— Вот, Сергей Николаевич, — сказал он, закончив, и постучал карандашом по листу. — Еще двадцать человек. Возраст тот же, болячки, насколько я понял со слов молодого человека, те же, повар тот же. Лечите их как обычно, только в программу не включайте. Берите у них анализы тем же порядком, что у ваших участников, и ведите списки лекарств, как у Лидии Павловны, с датами. И в тумбочки заглядывайте.

— Им же согласие надо подписывать, — сказал Елисей.

— Вот и возьмите у них письменное согласие, — отрезал Долматов. — Кто не захочет, того не трогайте. Через три месяца посмотрим, как изменились анализы у тех, кого я сегодня отобрал. Кто будет их вести?

— Э… — задумался я.

— Ась? — подумав, что не расслышал, громко сказал он.

Вот тут мне и стало обидно. Контрольная группа у меня была. Я ни одного исследования без контроля не начинал. Но Долматову этого оказалось недостаточно, и он запулил вторую группу для дополнительной проверки. И вести этих стариков по-хорошему должен был я. Вот только через три месяца, когда появятся дополнительные данные для сравнения всех трех групп, меня здесь уже не будет.

— Вести их будет Елисей Богданович, — сказал я. — Он здесь каждый день, и старики его знают.

Елисей уставился на меня, и уши его начали медленно краснеть.

— Серег, погоди, — растерянно пробормотал он. — Двадцать человек? Плюс те пятеро, которых ты мне уже отдал? Это ж у каждого анализы брать, следить за фармой, согласия собирать… Да е-мое, я ж тут один на весь пансионат. А у меня Венера, ты же знаешь, ей скоро…

— Знаю, — перебил я. — Но тут либо наука, либо довольствуйся тем, что есть.

— Нет, ты не подумай, я не отказываюсь, — заторопился Елисей. — Просто я вот так сразу…

Он замолчал, глядя на список в руке Долматова. А я подумал, что с таким материалом Елисею уже не стыдно будет звонить Петрову-Чхве.

Долматов посмотрел на Елисея поверх очков.

— Справитесь, молодой человек?

— Посмотрим, Матвей Львович, — почесав затылок, неожиданно ответил Елисей.

— Вот, — довольно сказал Долматов, отдавая ему список. — Это правильный ответ. Мне всю жизнь говорят «справлюсь», а потом пишут километровые объяснения, почему именно не справились.

Долматов вернулся к Аделаиде Петровне выяснять, где Клава берет свои таблетки. А Елисей стоял в коридоре и держал список обеими руками.

— Серег, — тихо сказал он. — Ты это специально, да?

— Это не я, Елисей, это Матвей Львович.

— Ага, Матвей Львович, — вздохнул он. — Ладно. Только Венере не говори, сколько тут нагрузки. Я ей сам скажу, попозже, когда она поест. А то ее от таких новостей тошнит и аппетит пропадает.

Обедали мы в санатории, в малой гостиной, где тетя Нина теперь кормила своих. К обеду как раз приехали из Казани Танюха со Степкой, и, пока Долматов мыл руки, я успел обнять ее в коридоре. Степка уже носился где-то с местными ребятами, и тетя Нина то и дело выходила на них прикрикнуть.

Узнав, что приехал профессор из Москвы, тетя Нина вынесла целый противень пирогов с капустой и встала над Долматовым, сложив руки на животе.

— Ешьте, профессор, ешьте. Джимми говорит, вы там в Москве на одних бумажках сидите.

— Джимми? — переспросил Долматов.

— Это она меня так зовет, — сказал я. — Не спрашивайте, Матвей Львович.

— Не буду, — пообещал Долматов и тут же спросил: — Это не в честь Джимми Хендрикса?

— Это в честь Митхуна Чакраборти, — многозначительно объяснила тетя Нина.

Кивнув, Долматов задумчиво откусил пирог. Молчал он, пока не доел кусок, а потом попросил добавки и сказал тете Нине, что ради такого угощения стоило лететь из самой Москвы.

Тетя Нина польщенно расправила плечи. Но тут Танюха поставила на стол рядом с противнем тарелку с еще одним пирогом.

— А это черничный, от Серегиной мамы, — сказала она. — Угощайтесь.

Тетя Нина покосилась на черничный пирог и поджала губы.

— Ну-ну, — ревниво сказала она. — Казанский, значит. Посмотрим.

Долматов, не замечая угрозы, взял кусок черничного и, попробовав, одобрительно кивнул.

— И ради этого тоже стоило лететь, — сказал он.

Тетя Нина фыркнула и ушла на кухню, а Танюха прыснула в кулак.

***

Совет назначили на три. Ева с утра уехала в Йошкар-Олу смотреть квартиру и оставила нам свой кабинет. Сашка принес из мастерской большой монитор и, подключив его к моему ноутбуку, ушел, ни на кого не глядя. Филатов устроился с телефоном в холле на диване у входа.

На экране одно за другим появились окна. По видеосвязи Система, как и прежде, ничего не показывала мне о собеседниках, так что общаться пришлось практически вслепую.

— Коллеги, добрый день, — сказал Долматов. — Я сейчас в Морках, рядом с Сергеем Николаевичем, видел карты и стариков, участвующих в программе долголетия, собственными глазами. Сергей Николаевич, начинайте. И коротко, у нас тут не конференция.

Я вывел на экран таблицу и первым делом сказал, что ни возраста по формуле, ни общего процента улучшений в ней нет. Потом прошел по ней группа за группой.

В одном из окон пожилая женщина в больших очках что-то записывала, не поднимая головы. Остальные слушали молча.

— Коллеги, позвольте, — вмешался крупный мужчина с короткой седой стрижкой. — Олег Витальевич, клиницист. Сергей Николаевич, вы представляете, кто будет это читать в понедельник? Человек дочитает до слов «не доказано» и закроет папку. А ведь у вас двенадцати старикам из шестнадцати стало лучше. Это семьдесят пять процентов, тут и считать нечего. Напишите три четверти, а все ваши оговорки дайте ниже, мелким шрифтом.

— Нет, — сказал я.

Олег Витальевич нахмурился.

— Простите?

— Слова про три четверти я сам из текста и вычеркнул, Олег Витальевич, и обратно их вписывать не буду. Давайте я на одном человеке объясню почему.

— Ну попробуйте, — недовольно разрешил он.

— Среди этих двенадцати есть Егор Саввич. Мы с Матвеем Львовичем сегодня у него были. Почки у деда стали работать лучше, и он уже всему этажу похвастался, что помолодел. Только «Диклофенак», который по почкам и бьет, я лично отменил ему ровно между двумя анализами. Может, почки отдохнули от таблетки, может, сработала программа, а может, и то и другое понемногу. Задним числом этого не разделит никто. Если я запишу Егора Саввича в эти семьдесят пять процентов, то подпишусь под тем, что программа вылечила ему почки, но я этого достоверно не знаю. А таких, кому за это время меняли лечение, среди двенадцати шестеро.

— Ну хорошо, — поморщился Олег Витальевич. — А остальные шестеро?

— Трое — из той пятерки, которой лечение не меняли. Еще про двоих мы толком не знаем, чем их лечили. А шестой — Игнатов. Он у нас только анализы сдавал. Записывать его на счет программы — это уже просто приписка.

Женщина в больших очках перестала писать и резко подняла голову.

— Инна Марковна, я занимаюсь статистикой, — сухо представилась она. — Сергей Николаевич прав, Олег Витальевич, и я бы сказала даже строже. Игнатов показывает, что лучше пожилым людям может стать и без всякой программы. Значит, показатели части из этих двенадцати могли улучшиться сами по себе. А второй контрольной группы у вас нет. Так называемый вариант «Б».

— Пока нет, Инна Марковна, — сказал я. — Сегодня Матвей Львович отобрал для нее еще двадцать человек в том же пансионате. Согласие у них еще предстоит взять, а сравнивать с ними можно будет не раньше чем через три месяца.

— Прекрасно, — сказала Инна Марковна, и я не понял, похвалила она или съязвила. Долматов рядом со мной довольно засопел.

— Сергей Николаевич, — с досадой сказал Олег Витальевич, — я вас предупредил.

— Знаю. Но скажу то же самое: под другим текстом моей подписи не будет. А если совет со мной не согласен, пусть запишет это в протокол.

Олег Витальевич хотел что-то возразить, но Долматов его опередил.

— Не-е-ет, Олег Витальевич, — протянул он. — Так не пойдет. Вы прошлый доклад помните? Вот и я помню. Хватит с меня красивых процентов, за которые потом краснеет совет.

— Матвей Львович, тогда были другие обстоятельства…

— Обстоятельства всегда другие, голубчик, — отрезал Долматов. — А цифирь одна. Я сегодня сам вытягивал карты наугад и лазил по тумбочкам. Каждого человека в этой таблице можно проверить. Это редкость. Давайте не будем это портить.

Олег Витальевич потер подбородок.

— Тогда решаем, коллеги, — сказал Долматов. — Принимаем как предварительное наблюдение, в формулировке Сергея Николаевича и со всеми его оговорками. Инна Марковна?

— Согласна, если перечень ограничений будет стоять в самом тексте, а не в приложении, — ответила Инна Марковна. — Свои замечания я пришлю сегодня вечером.

— Олег Витальевич?

— Пишите в протокол, что я против, — недовольно буркнул Олег Витальевич.

— Так и запишем, — кивнул Долматов. — Сергей Николаевич, окончательный текст с учетом замечаний подпишете в субботу, и я заберу его в Москву. Все, коллеги, спасибо.

Окна на экране погасли одно за другим.

Долматов откинулся на спинку стула и, сняв очки, потер переносицу. Он раскраснелся и дышал тяжелее, чем час назад.

— Утомили вы меня, Сергей Николаевич, — пожаловался он. — Сначала самолет, потом ваши тумбочки, потом этот… Олег Витальевич со своими процентами. Голову так и давит. Давление, наверное, скакнуло.

— Давайте посмотрю, Матвей Львович.

— Да бросьте вы.

— Если давление, лучше узнать сейчас, а не ночью. Дайте руку, я только пульс посчитаю.

Долматов вздохнул и протянул руку. Взяв его за запястье, я стал считать пульс по секундной стрелке, а заодно включил диагностику.

Диагностика завершена.

Объект: Долматов Матвей Львович, 70 лет.

Основные показатели: температура 36,7 °С, ЧСС 94, АД 164/96, ЧДД 18.

Обнаружены аномалии:

— Артериальная гипертензия.

— Избыточная масса тела.

— Нервное и физическое перенапряжение.

— Признаков острого нарушения ритма и ишемии миокарда не выявлено.

Ничего страшного в этом не было. Выпьет Долматов таблетку, полежит, и к вечеру давление придет в норму.

А пальцы мои все еще лежали у него на запястье, и убирать их я не спешил. В субботу подписанный текст останется у Долматова, а меня рядом уже не будет. Значит, надо было знать, кто стоит за профессором, с кем он связан наверху, кто на него давит и можно ли на него опереться. Какое событие из его жизни покажет ретроспекция, выбрать я не мог. Но вдруг повезет и я увижу чей-нибудь высокий кабинет, разговор, лицо?

Я запустил ретроспекцию, и монитор передо мной пропал…

Я сидел в ординаторской под настольной лампой. Руки передо мной были молодыми, без пятен, с коротко обкусанными ногтями. На столе лежал расчерченный от руки лист в клетку. Слева шли номера коек, дальше давление по дням, а в самом низу, под строчкой «Среднее по

группе», стояли два жирно обведенных числа. В одной из строк цифры день ото дня становились все меньше.

В дверь заглянула медсестра.

— Матвей Львович! Бабушка с шестой койки упала!

Вскочив так, что опрокинулся стул, я побежал по коридору. Ноги были легкие, молодые, а в груди уже холодело.

Между кроватями на полу лежала маленькая старушка в ночной рубашке. Я опустился рядом на колени, и холод линолеума прошел через брюки. Пульс на ее запястье был слабым и частым, а губы посерели.

Мне стало так стыдно, что захотелось провалиться сквозь этот линолеум, и только тогда я понял, что стыд не мой.

Долматов высвободил руку, и ординаторская пропала…

Я снова сидел в кабинете Евы, но разглядеть его толком не мог. Буквы на мониторе слились в серую рябь, а Долматова я различал только по очертаниям: круглая голова, покатые плечи, блеск очков в руке. Виски ломило при каждом ударе сердца. Пальцы правой руки мелко тряслись, и я зажал руку между коленями, чтобы Долматов не заметил.

— Сергей Николаевич? — встревоженно позвал Долматов. — Голубчик, что с вами? Вы же белый весь.

— Глаза устали, Матвей Львович, — с трудом выговорил я. — Я со вчерашнего дня от таблиц не отрываюсь, а сегодня еще этот монитор. Сейчас пройдет.

— В ваши-то годы! — проворчал Долматов. — Ну-ка давайте сюда руку. Это я вам пульс считать должен, а не вы мне.

Руку пришлось достать. Он взял меня за запястье и, шевеля губами, посчитал пульс.

— Частит, — недовольно сказал Долматов. — И пальцы у вас трясутся, Сергей Николаевич. Вы сегодня ели что-нибудь, кроме пирога?

— Только пирог. Два.

— Оно и видно.

Я запустил самодиагностику.

Самодиагностика завершена.

Текущее состояние: удовлетворительное.

Системная оценка: последствия соматической ретроспекции; снижение остроты зрения, головная боль, тремор пальцев.

Рекомендации: снижение нагрузки на зрение, вода, отдых в ближайшие часы.

Зрение так и не вернулось, но голова понемногу прояснилась. Фамилий и кабинетов я не узнал. Похоже, в той строке, где давление день ото дня падало, были показатели старушки с шестой койки. Тогда понятно, почему Долматов просил учесть тех, кому стало хуже. Утверждать наверняка я ничего не мог, ведь видел лишь одну его ночь и один его стыд. Но человеку, который с этим стыдом живет столько лет, я вполне готов был доверить подписанный текст.

— Матвей Львович, у меня к вам просьба, — сказал я.

— Ну?

— У меня буквы на экране расплываются. Вы свои замечания записали? Не прочтете вслух?

— Вы, Сергей Николаевич, ко мне, вижу, совсем без уважения, — проворчал Долматов, правда беззлобно, надевая очки. — Семидесятилетнего профессора в чтецы записали. Ладно, слушайте.

Он достал блокнот и стал читать, медленно и ворчливо, то и дело останавливаясь, чтобы прокомментировать собственные пометки. Убрать из текста слово «омоложение» везде, где оно есть, даже в названии программы. Заменить «улучшение» на «изменение показателя в сторону нормы» и при каждом показателе указать, какой именно. Добавить отдельный раздел

про вторую группу сравнения: когда отобрана, кем, по какому принципу. Перечислить выбывших, не называя причин, раз причины неизвестны. И Зинаиду Петровну описать полностью, со всеми анализами и датами.

— А «омоложение»-то чем вам не угодило? — не удержался я. — Егор Саввич расстроится.

— Егор Саввич доклад читать не будет, — отрезал Долматов. — А тот, кто будет, увидит это слово и решит, что мы тут эликсир бессмертия варим. Мне потом объясняться.

— Матвей Львович, — сказал я, когда он убрал блокнот. — Подписанный текст я в субботу отдам вам в руки. Но у меня просьба. До понедельника, пожалуйста, никому его не отдавайте. Ни фонду, ни Вере Павловне, ни Филатову.

— А что, есть охотники его переписать? — нахмурился Долматов.

— Есть, Матвей Львович.

— Тогда до самого доклада он пролежит у меня в портфеле, — буркнул он. — А портфель я из рук не выпускаю.

— Спасибо. А теперь, Матвей Львович, выпейте что-нибудь от давления, если возите с собой, и полежите до ужина. Оно у вас и правда подскочило.

— Раскомандовался, — вздохнул Долматов, но спорить не стал.

Глава 4

Вечером мы с Танюхой сели в малой гостиной санатория. Степку к тому времени утащили играть местные мальчишки, и из коридора время от времени доносились восторженные вопли. Тетя Нина, ворча, выдала нам заварник, две чашки, две рюмки, остатки черничного пирога и бутылочку экспроприированной у Чепайкина полынной настойки.

— Только по чуть-чуть, — строго предупредила она. — Джимми, у тебя глаза красные, как у кролика. Таня, ты за ним смотри давай.

— Посмотрю, теть Нин, — клятвенно пообещала Танюха.

Когда тетя Нина ушла, она, разлив настойку по рюмкам, понюхала свою и сморщилась.

— Фу, блин, ну и гадость. Как она это пьет?

— Она не пьет это, а отобрала у Чепайкина, по ее словам. Ну, рассказывай. Ты говорила, у тебя два момента. Так что это за моменты?

— Не-не-не, — замахала руками Танюха. — Ты первый. Это ты меня позвал, а не я тебя. Я, между прочим, с обеда извелась прямо вся.

— А я хочу сначала тебя послушать, — возразил я, потому что начинать вечер с причины своего отъезда мне совсем не хотелось. — Давай ты первая, Тань.

Она подозрительно посмотрела на меня, но спорить не стала. Достав из сумки ноутбук, открыла его и развернула ко мне экран.

— Короче, вот. Это мой типа проект по курсам. Комната в бежевых тонах. И я ваще не могу подобрать шторы. Вот эти, гляди, вроде нормально, но со стенами типа не сочетаются. А эти потемнее, но тогда диван какой-то чужой стал. Херовастенько как-то, да? Ну скажи, что тебе больше нравится?

Я посмотрел на экран, но с моим подсевшим зрением комната расплывалась в мутное светло-коричневое пятно, а где там шторы, а где диван, я угадывал с трудом.

— Тань, увеличь, пожалуйста. Я сегодня плохо вижу, весь день за монитором просидел.

— Капец, — вздохнула Танюха и придвинулась ко мне вместе с ноутбуком. — Вот, вот шторы. Видишь?

— Вижу, что они есть. А какого цвета, уже не вижу.

— Ну ты даешь, Епиходов, — фыркнула она. — Слепой докторишка. Ладно, тогда слушай. Короче, я вчера чуть ноутбук дома не оставила. Думала, ничего тебе показывать не буду, ну его нафиг.

— Серьезно? — удивился я. — Из-за штор, что ли?

— Да из-за всего, — насупилась Танюха. — Я на курсе чужие работы посмотрела, там у всех капец как все красиво, типа презентации, все дела. А у меня что? Ерундистика какая-то! Страшно мне, понимаешь? Вдруг я ничего не умею, а только думаю, что умею. Сделаю что-нибудь, а все посмотрят и скажут, мол, Романова, иди лучше полы обратно мой, у тебя только к этому призвание, а ты типа из грязи в князи намылилась.

Я плеснул себе чаю и подумал, как бы ответить, чтобы она не решила, что я ее просто утешаю.

— Тань, напомни-ка мне, сколько лет ты чужие дома убираешь?

— Ну, много. Примерно тыщу лет. А при чем тут?

— А при том. Ты по этим квартирам знаешь то, чего в красивых презентациях нет. Где у людей пыль собирается, где они спотыкаются, какой диван через месяц выглядит как тряпка, а какой держится. Где шторы выгорают, потому что солнце с утра бьет. Понимаешь? Красивая картинка в программе стерпит все, но только пожив в таком пространстве, побывав в нем, человек скажет, что не так. И ты это знаешь лучше тех, у кого красивые презентации.

— Ну-у… — протянула Танюха.

— И потом, у них ведь тоже первая настоящая работа впереди, — продолжил я. — Ты думаешь, они не боятся? Просто показывают лучшее, а что они выкинули и переделали, ты не видишь. Может, до этого у них тоже капец был, но они не сдались и продолжили. Вот смотри, ты мне квартиру сделала, родителям сделала. Мама до сих пор всем хвалится. Это все не картинка, Тань, это настоящая работа.

Танюха молчала, глядя в экран. Потом шмыгнула носом.

— А шторы?

— А шторы… — задумался я, потому что ну какой из меня дизайнер. Но жизненный опыт какой-никакой был, поэтому я посоветовал: — Знаешь, не подбирай ты эти шторы на экране! Возьми образцы ткани и приложи к стене при дневном свете, утром и вечером. Экран тебе все равно соврет, как ты там цвета ни подбирай.

— Блин, — озадаченно сказала Танюха. — А ведь точно. У меня так с одной клиенткой было, она в магазине выбрала, а дома все другое оказалось.

— Ну вот видишь.

— Ладно, — повеселела она. — Ой, у меня же для тебя сюрприз!

Она защелкала по клавиатуре и снова развернула ноутбук ко мне.

— Гляди! Я это в папку с проектом положила. Буду преподу показывать, как источник вдохновения.

Я вгляделся. На экране розовело что-то продолговатое, а рядом круглое.

— Что это?

— Туфля твоя! — заржала Танюха. — Розовая, с барабаном которая! Ты ж сам нарисовал, художник!

— Тань, я эту туфлю рисовал не для преподавателя…

— А теперь будет для преподавателя, — злорадно сказала она. — Пусть все видят, какие у меня друзья талантливые.

Я засмеялся, и в висках тут же отдало болью. Танюха перестала хихикать и посмотрела на меня внимательнее.

— Ну а второй твой момент? — спросил я, чтобы не заострять внимание на себе.

— Второе потом, оно не горит, — отмахнулась она и закрыла ноутбук. — Серег, ты давай рассказывай. Что у тебя стряслось?

В дверь просунулась вихрастая голова Степки.

— Ма! Дядь Сереж, а можно Валеру пацанам показать? Пацаны не верят, что он такой толстый.

— Валера спит у меня в комнате, — сказал я. — И будить его я тебе не советую. Он спросонья шипит и кусается. Даже поцарапать может.

— Ну дядь Сереж!

— Степан! — рявкнула Танюха. — Брысь отсюда, у нас разговор!

Степка исчез. Танюха повернулась ко мне и сложила руки на груди.

— Ну?

— Тань, мою работу хотят забрать. Очень серьезные люди, с бумагами и с печатями. А меня самого с понедельника поселят в квартире при институте, под охраной. Говорят, чтобы спокойно работал и ни на что не отвлекался, но… Похоже на шарашку.

— Как это под охраной? — не поняла Танюха. — Типа посадят, что ли?

— Не то чтобы посадят, только охрану эту, Тань, ставят не для того, чтобы меня беречь.

— А для чего тогда? Чтобы не сбежал, что ли?

— Вроде того. Скажут, что я носитель государственной тайны, а потому, думаю, без спросу не дадут и шагу сделать, да и звонить придется только при них.

— Так это ж… это ж ваще беспредел! — возмутилась она. — Серега, иди в полицию!

— Эти люди могут приказать и полиции.

— Ну, тогда… тогда к журналистам иди! Ты же по телевизору выступал! Ты с самой Таисией Милославской дружишь!

— Во-первых, не хочу подставлять ее. Никто не даст ей озвучить эту информацию на федеральном канале, а если она в личном блоге напишет такое… думаю, у нее начнутся большие проблемы. А во-вторых, даже если обращусь к другим, пока журналисты раскачаются, я уже буду сидеть под замком. Поэтому свалю раньше, чем меня запрут. Совсем скоро, Тань. А потом долго не объявлюсь.

Танюха смотрела на меня и молчала. Потом прищурилась.

— Куда?

— Не скажу.

— Мне? — отвесила она челюсть. — Мне не скажешь? Серега, ты че, совсем? Я ж типа никому!

— Знаю, что никому, — устало сказал я. — Только, если к тебе придут, ты должна по-настоящему не знать. Эти люди умеют допрашивать, Тань, так, что ответит любой. Не хочу, чтобы из-за меня к тебе приходили и пугали Степку.

Откинувшись на спинку дивана, Танюха сердито закусила губу.

— А родители? — спросила она. — Николай Семенович и так весь извелся. Ты им это тоже вот так скажешь, что ли?

— Родителям я сказал, что уезжаю по работе. За ними Саша Епиходов присмотрит, будет им звонить.

— А мне кто звонить будет?

— Никто, Тань. Я сам объявлюсь, когда можно будет.

— Когда?

— К майским надеюсь вернуться. Даст бог, шашлыки замутим.

— А если не вернешься?

Я промолчал. Вздохнув, Танюха вдруг залпом выпила свою настойку. Ее аж передернуло.

— Фу-у, блин, — просипела она. — Как же я тебя ненавижу, Серега. Вот только-только нормальным человеком стал, на шашлыки всех позвал. И опять!

— Я ж не пить уезжаю, Тань.

— Да лучше б пить! — всхлипнула она. — Когда ты пил, я хоть знала, где тебя искать. А тут… Серег, а тебя там это… не убьют?

— Постараюсь, чтобы не убили.

— Лучше старайся, — проворчала Танюха. Она вытерла глаза рукавом кофты и потянулась за пирогом. — Ладно. Не говори куда. Тогда скажи хоть, что делать, если эти твои с печатями ко мне припрутся.

— Дверь без повестки не открывай. И звони Наилю, если вдруг что.

— Поняла. А цветы твои кто поливать будет?

— Ты и будешь. Как и обещала.

— Ну вот, — горько сказала Танюха. — Ты, значит, опять уедешь шляться куда-то, а мне цветы поливать.

Она откусила пирог и долго жевала, глядя в стену. Потом налила себе еще настойки и, понюхав, отставила.

— Нет уж. Одной хватит, — решила она. — Серег, ты только попробуй к майским не вернуться. Я тебя тогда из-под земли достану и шашлыки жарить заставлю. Чтоб все видели, как ты их спалишь. Или самого пущу на шашлыки. Лично!

Танюха наконец улыбнулась.

***

Отправив Сашке и Борьке обещанные контрольные сообщения, я лег рано, но спал плохо, а в начале третьего ночи меня разбудил телефон. Щурясь спросонья, я разобрал на экране фамилию. Ремизов? Ночью он мне еще ни разу не звонил.

— Слушаю вас, Аркадий Семенович.

— Сергей Николаевич, не разбудил? — часто дыша в трубку, спросил Ремизов. — Хе-хе. Я по делу. Вы нашли, чем заменить уколы?

— Нет, Аркадий Семенович, заменить их пока нечем.

— А ваша мысль? Про слабое место? Вы же сказали, что знаете, где…

— Где слабое место, я знаю. Но от этого знания до полноценного синтеза лекарства годы работы.

— У меня нет этих лет, — буркнул Ремизов. — Ладно. Тогда скажите мне вот что. Если вколоть половину ампулы, ничего ведь страшного не будет? Половину. Вы же понимаете в этом больше Лысоткина.

Даже в этом разговоре Ремизов по привычке торговался, но посреди каждой фразы ему приходилось переводить дух. Его очечник с ампулой лежал у меня в ящике стола, в двух шагах от кровати, но толку от нее не было никакого. Ничем я ему сейчас не помогу. Да и не хочу.

Сев на кровати, я включил ночник. Валера недовольно приоткрыл один глаз и сердито дернул хвостом.

— Аркадий Семенович, когда вы кололи в последний раз?

— Это важно?

— Важно.

— Э… Третьего, во вторник. Следующий надо было колоть во вторник, десятого, но я не стал. Вы же сами написали, без врача не колоть.

— А у нефролога были?

— Был.

— Про уколы ему сказали?

— Я сказал, что пью травяной сбор от давления, — неохотно признался Ремизов. — Хе-хе. Сбор, мать его. Он мне анализы назначил, УЗИ сделал. Сказал, почки неважные, давление высокое, выписал таблетки. Что я должен был ему сказать? Что колю себе то, чего нет ни в одном справочнике? Он бы на следующий день…

— Он бы лечил то, что у вас есть, — перебил я. — А так он лечит то, что вы ему придумали. Что с вами сейчас, Аркадий Семенович? Только по порядку.

— Затылок давит, прямо сжимает, — с трудом вдохнув, пожаловался он. — Сердце… спотыкается. Стучит, стучит, потом проваливается. И лечь не могу. Как лягу, сразу хуже, душит. Вот, сижу в кабинете в кресле.

— Тонометр у вас есть?

— Есть. Вы же написали мерить утром и вечером.

— Наденьте манжету и померьте. Прямо сейчас, я подожду.

Было слышно, как он кладет телефон на стол, шуршит рукавом, как жужжит, накачивая манжету, тонометр. Потом что-то пискнуло.

— Сто девяносто восемь на сто двенадцать, — сказал Ремизов. — Пульс сто шесть. И там значок мигает. Сердечко какое-то.

Мигающее сердечко означало, что тонометр поймал неровный ритм. Шли третьи сутки после пропущенного укола, и давление с ритмом вели себя ровно так, как Система и предсказывала при резкой отмене препарата.

— Таблетки от давления пили?

— Пил. Те, что нефролог выписал. Две, в полночь.

— Аркадий Семенович, вызывайте скорую.

— Нет, — сразу сказал он. — Вы понимаете, что будет, если…

— Понимаю. Вызовите платную, любую, где вас никто не знает. Но вызывайте сейчас.

— Сергей Николаевич, — с усилием, но уже по-хозяйски проговорил Ремизов. — Давайте так. Вы мне скажете, сколько уколоть, я уколю, и мы с вами все забудем. Половину ампулы, четверть. Вы же знаете, как оно действует.

— Как оно подействует на вас сейчас, я не знаю, — сказал я. — И по телефону ничего не назначу. Вас надо посмотреть, снять кардиограмму, взять кровь. Без этого колоть — это лотерея. Может, вам станет легче. А может, это вас добьет.

— Тогда вылетайте первым рейсом.

— Первым рейсом я доберусь до вас к полудню, Аркадий Семенович. Это поздно.

Ремизов засопел в трубку.

Если Ремизов умрет этой ночью, Бережков заберет меня в шарашку сразу, без института и без договора. Думаю, и приставленный ко мне Филатов — его человек, а не Ремизова.

Маруся с Борькой уезжают из Москвы только сегодня днем, а про распоряжение Ремизова оставить их в покое после его смерти никто и не вспомнит. Но дело было не только в этом. Больного, который позвонил мне среди ночи, я бросить не мог, кем бы он ни был.

— Аркадий Семенович, — сказал я. — Вы ведь хотели получить исправленный состав первым? Так он нужен живому человеку, а мертвому ни к чему. Сейчас вам необходим врач, который приедет, посмотрит и услышит от вас правду. Не я и не ваше начальство, а тот, кто будет вас лечить.

— А если они спросят, откуда ампулы?

— Скажете, что получили от покойного Лысоткина. Это же правда?

— Да… Вот только если об этом узнают наверху…

— Платной бригаде ваше начальство неинтересно, Аркадий Семенович. Они вас полечат, возьмут деньги и уедут. А вот если вы до утра не доживете, будет вскрытие, и в ваших вещах станут разбираться без вас. Вот тогда про ампулы может узнать кто угодно.

В трубке скрипнуло кресло.

— Убеждаете вы так себе, Сергей Николаевич, — проворчал Ремизов. — Но все-таки убедили, хе-хе. Подождите, не отключайтесь только.

Я слышал, как по другому телефону он, задыхаясь, диктует кому-то адрес, а потом отвечает на вопросы: «Да, давление… Да, сердце… Срочно. Я оплачу».

— Едут, — сказал он в трубку. — Сказали, минут двадцать.

— Хорошо. Теперь, пока они в пути, сделайте вот что. Сидите в кресле, ноги опустите, не ложитесь. Больше никаких таблеток. Охрана у вас есть?

— У ворот.

— Позвоните им, пусть встретят машину, откроют дверь и проводят врачей к вам в кабинет. Сами к двери не ходите. И положите для врача на стол мою записку, листок Лысоткина, по которому вы кололи, ампулы, сколько их у вас осталось, и все, что вам дал нефролог, анализы и УЗИ. Где это все?

— Записка в пиджаке, пиджак тут, на стуле. Сейф тоже здесь, в двух шагах. Папка от нефролога на столе.

— Тогда встаньте, только медленно, не делайте резких движений, и держась за стол, достаньте все из сейфа и сразу садитесь обратно в кресло. Больше не вставайте. Я подожду на связи.

Ремизов отложил трубку. В его состоянии могло случиться что угодно, поэтому я напряженно вслушивался в происходящее на заднем плане: слышал, как он звонит охране по другому телефону, как потом скрипнул подлокотник и зашаркали по паркету тапки. Пискнул замок

сейфа, зашуршала бумага, после чего шаги вернулись, и Ремизов, судя по звуку, грузно опустился в кресло.

— Все на столе, — взяв трубку, тяжело дыша, отчитался он. — Ампул три.

— Хорошо. Как сейчас?

— Так же, затылок давит тисками, башка щас взорвется…

— Попробуйте подышать… — Я объяснил ему про 4-7-8. — Вдох… Держите… Вы-ыыдо-о-о-о-ох…

Пока ехала скорая, мы почти не разговаривали. Я спрашивал, как он, он отвечал, что так же. Потом я попросил его снова надеть манжету, и тонометр показал сто восемьдесят шесть на девяносто шесть, но все с тем же мигающим сердечком.

Наконец где-то в глубине дома хлопнула входная дверь, и загудели голоса: басок охранника и еще чей-то, помоложе и быстрый. Шаги приблизились к кабинету.

— Здравствуйте. Кто тут больной? — спросил молодой мужчина.

— Я больной, — сказал Ремизов. — Проходите, доктор.

Что-то лязгнуло о пол, видимо, поставили укладку. Женщина из бригады спросила, где розетка.

— Что случилось? — спросил врач. — Давление?

— Давление. Сердце. — Ремизов перевел дух. — Подождите. Вот. Это мне врач написал. Прочитайте.

Зашуршала бумага.

— «Уколы разом не бросать», — вслух прочел врач. — Какие уколы?

И Ремизов рассказал. Говорил он медленно, останавливаясь, чтобы отдышаться, и уже без своих «хе-хе».

— Интересно вы живете, — зло сказал врач. — А врач, который писал записку, где?

— Вот он, на телефоне, — сказал Ремизов.

В трубке зашуршало.

— Алло. Это вы записку писали? Что за препарат?

Раз Ремизов сам отдал врачу трубку, скрывать мне было уже нечего.

— Опытный стимулятор клеточного обновления, — четко и кратко ответил я. — Бьет по почкам, от него развивается зависимость, а колоть он бросил разом. По-моему, у вас там синдром отмены с кризом и аритмией.

— За записку спасибо, коллега, — проворчал врач и, отодвинув трубку, крикнул: — Кардиограф давай! И вену ему ставь сразу!

Рядом с ним застрекотал кардиограф, и в трубке запикали короткие гудки.

Я посидел, держа в руке погасший телефон. Перезванивать было бессмысленно — у Ремизова сейчас находился врач, там не до меня. Выживет он или нет, этой ночью я уже не узнаю. Но лучше бы выжил. По крайней мере, пока.

Валера перебрался ко мне на колени и требовательно боднул руку. Я погладил его и выключил ночник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.